
«Перечневый список» разграбленной в 1610–1612 гг. казны Московского государства

Вячеслав Козляков

The list of the treasury of the Moscow state looted in 1610–1612

Vyacheslav Kozlyakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X25010031, EDN: AJAIEI

Разграбление московской казны «польско-литовскими интервентами» в Кремле в 1610–1612 гг. – один из самых узнаваемых сюжетов Смутного времени. Упоминания о нём можно найти в повестях и сказаниях о «разорении» Московского государства, призывах земских ополчений на борьбу с иноземным врагом, в документах времён освобождения Москвы в конце 1612 г. Сами «интервенты», напомню, вошедшие в столицу по договору о призвании на русский трон польского королевича Владислава, а затем удерживавшие Москву в интересах короля Сигизмунда III, тоже достаточно откровенно рассказывали о дележе московской казны, из которой им платили «заслуженное» жалованье. В записках ротмистра московского гарнизона Николая Мархоцкого говорилось: «Казну растратил большей частью царь Шуйский, а мы разбирали уже остатки, среди которых была [статуя] Иисуса из чистого золота... Наши, обуреваемые жадностью, не пощадили и Господа Иисуса, хотя некоторые предлагали отослать его в целости в Krakowski замковый костёл – в дар на вечные времена. Но, получив “Иисуса” из московской казны, наши разрутили его на куски и поделили между собой»¹.

В привычной картине истории Смуты дело представляется так. Из-за недальновидных действий Боярской думы в Москву впустили грабителей, за два года – с сентября 1610 по октябрь 1612 г. – полностью истощивших казну Московского государства, в поисках золота и драгоценностей обворовавших монастырские ризницы и кремлёвские соборы, украшения церквей и икон. Им помогали русские «изменники», и первым из них следует назвать дьяка Фёдора Андронова, назначенного ведать московскую казну по указу короля Сигизмунда III, который находился под Смоленском. В этих представлениях подчёркивается главное обстоятельство – «казна была разграблена». Однако многие известные современникам детали событий оказались забыты и остались только в архивных документах.

Найдка нового источника – официального «Перечневого списка» утраченной в «московское разорение» 1610–1612 гг. казны Московского государства (царских регалий, образов, церковной утвари, золота, драгоценных камней, мехов, тканей, одежды и оружия) – позволяет взглянуть на этот процесс без использования публицистических аргументов. «Царской казне переписной перечневой список» сохранился в составе Статейного списка Великого посольства под Смоленск в 1615–1616 гг. С московской стороны в переговорах

© 2025 г. В.Н. Козляков

¹ Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 2000. С. 87.

участвовали бояре кн. Иван Михайлович Воротынский, кн. Алексей Юрьевич Сицкий, окольничий Артемий Васильевич Измайлова, дворяне Семён Гаврилович Коробын, Ефим Григорьевич Телепнев, дьяки Иван Болотников и Алексей Витовтов. Польско-литовскую сторону представляли киевский епископ Кшиштоф Казимирский, великий литовский гетман Карл Ходкевич, польный гетман литовский князь Кшиштоф Радзивилл, бывший глава московского гарнизона, литовский референдарь и писарь Александр Госевский, смоленский воевода Николай Глебович, троцкий подкоморий князь Богдан Огинский, киевский подкоморий Самуил Горностай, королевский дворянин Кшиштоф Харленьский, королевский дворянин и секретарь Ян Гридич.

Рукопись представляет собой копию Статейного списка (с современными пометами, уточняющими смысл документа), скорее всего, составленную прямо по завершении переговоров в 1615–1616 гг.² и в XVII в. хранившуюся в составе «архангельской» библиотеки кн. Д.М. Голицына³, а потом купленную у его наследников в библиотеку гр. Ф.А. Толстого. Печатное описание рукописи опубликовано в 1825 г.,⁴ однако до последнего времени этот фолиант большого формата в тысячу листов почти не привлекал внимания исследователей. Материалы переговоров исследовались прежде всего по книгам «польских дел» в архиве Посольского приказа в Москве, ссылки на них есть у Н.М. Карамзина и С.М. Соловьёва, назвавшего это посольство «неудачным»⁵. Однако полный комплекс документации великого посольства, упомянутый в описях Посольского приказа 1626 и 1673 гг.,⁶ специально не изучался.

Великое посольство боярина кн. Воротынского отправилось под Смоленск по приговору земского собора 31 августа 1615 г.⁷ Формула царского наказа послам «итти для своего государева дела и земского» содержит прямое указание на соборное решение, одобренное представителями разных чинов⁸. «Великих» посольств на протяжении XVII в. было немного, дополнительный вес перего-

² ОР РНБ, ф. 550, F.IV.101. Современная нумерация в рукописи отсутствует, есть только старая XVII в. по тетрадям и проставленные позднее карандашом указания на листы «по десяткам». По этому счёту текст «Перечневого списка» находится на л. 884–913.

³ Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. К истории Архангельской библиотеки Д.М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 238–253.

⁴ № 155. Статейный список посольства в 7124 (1615 и 1616) году, бояр князя Ивана Михайловича Воротынского, князя Алексея Юрьевича Сицкого-Ярославского, окольничего Артемия Васильевича Измайлова, дворян Семена Гавриловича Коробына, Ефима Григорьевича Телепнева и дьяков Ивана Болотникова и Алексея Витовтова, для сношения с прибывшими на границу польскими послами. Скорописная современная рукопись; на 992 листах. Из Архангельской библиотеки (Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайного советника, сенатора, двора е.и.в. действительного камергера и кавалера графа Ф.А. Толстова / Изд. К. Калайдович и П. Строев. С палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII в. М., 1825. XLII. С. 83).

⁵ Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 9–10. История России с древнейших времён. М., 1990. С. 8, 39–52. См. также публикации ответов польско-литовских послов на переговорах под Смоленском в 1615–1616 гг.: Сборник князя Оболенского. М., 1838. № 10; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АЗР). Т. 4. СПб., 1851. № 207–210. Стб. 467–498.

⁶ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. С. 235, 292; Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. М., 1990. С. 158, 166, 246.

⁷ РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 30, л. 1.

⁸ Собор 31 августа 1615 г. в составленном Л.В. Черепниным перечне земских соборов первых лет царствования Михаила Фёдоровича не указан (Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства XVI–XVII вв. М., 1978. С. 220).

варам придавало и участие посредника — имперского дипломата Эразма Гейделиуса (*Erasmus Heide von Rassenstein*), представлявшего императора Матвея Габсбурга⁹. Послам предстояло говорить «о добром деле» и «мирном постановлье», о признании царского титула Михаила Фёдоровича, судьбе Смоленска и других городов, добиться обмена пленными во главе с митрополитом Филаретом Никитичем и договориться о возмещении разграбленной царской казны. Для подтверждения позиции послов на переговорах и составили «Перечневый список», упомянутый в распоряжении послам: «Да указывати бояром, князю Ивану Михайловичю с товарыщи, против списка коли что с кем х королю послано, а список им дан»¹⁰.

Обвинение в разорении царской казны предъявили полякам уже в момент отправки гонца Д.Г. Аладына к королю Сигизмунду III в марте 1613 г. От имени Освященного собора, Боярской думы и представителей разных чинов гонцу выдали грамоту, где содержалась слова, повторённые в документах следующих посольств в Литву: «А царьскую казну, многое собранье из давных лет прежних великих государей наших царей росийских, и их царьские утвари, царьские шапки и коруны, и их царьское всякое достояние и чудотворные образы к вам отослали; а досталную царскую казну и в церквях Божиих, и в монастырех, и в домех, и в лавках, и в погребах многое неизчетное богатство московских всяких людей пограбя, по себе разделили»¹¹. В приговоре царя Михаила Фёдоровича и Боярской думы 1 декабря 1614 г. об отсылке в Литву посланника Ф.Г. Желябужского также предлагалось напомнить «королевские и их панов-рад перед Московским государством неправды, и Московскому государству от них разоренье описати же»¹².

В Посольском приказе в Москве, как оказалось, готовились перейти от слов к делу и предъявить денежный счёт за «расташенную» царскую казну. Предполагалось, что московские послы на переговорах сначала скажут: «И царскую многую казну собранье прежних великих государей наших царей росийских х королю под Смоленск отослали, а иную многую по себе учали имати, и ратным людем в заслуженные велели давати и учали царскую казну без остатку тощити». Затем подтвердят свои слова предъявлением заранее составленного «Списка» потерь казны. Предвидя возражения польско-литовской стороны, следовало напомнить, «как воровали Госевский и Ондронов», имевшие бесконтрольный доступ к царской казне (тем более что Александр Госевский

⁹ Tyszkowski K. Erazm Heidelberg i jego misje polityczne w Polsce w latach 1611/6 // Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie. 1938. R. XVIII. Z. 1. S. 65–69.

¹⁰ РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 30, л. 173.

¹¹ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 142. М., 1913. С. 356.

¹² Там же. С. 265, 469. Публикация дипломатических документов о взаимоотношениях Московского государства с Речью Посполитой остановилась на посольстве Ф.Г. Желябужского, договорившегося о будущем съезде послов во главе с кн. И.М. Воротынским. Этой же «гранью» в основном завершаются и труды польских историков о русско-польских отношениях 1613–1615 гг. Современный исследователь К. Жайдз, автор одной из немногих статей о мирных переговорах между Речью Посполитой и Московским государством в 1615–1616 гг., имел все основания написать, что они являются одним из «наименее разработанных эпизодов в истории конфликта, закончившегося перемирием в Деулино» (Tyszkowski K. Wojna o Smoleńsk. 1613–1615. Lwow, 1932; Polak W. Trzy misje. Rokowania dyplomatyczne pomiędzy Rzeczną pospolitą a Moskwą w latach 1613–1615. Toruń, 2014; Żojdź K. Udział hetmana polnego litewskiego Krzysztofa II Radziwiłła w rokowaniach pokojowych z Moskwą na przełomie lat 1615 i 1616, [w:] Radziwiłłowie w służbie Marsa, red. M. Nagielski, K. Żojdź, Warszawa, 2017. S. 77).

участвовал в переговорах): «А говорити то ведомо, да того немного. А большое и лучшее узорочья самые иманы ис казны и посыланы х королю тайно, а иное ты себе имал и приятелем своим посыпал, а разграбили многое ж бесчисленное множество. А гробов чудотворцовых и окладов образных, и в монастырех денег и судов серебряных, и жемчугу, и наших боярских, и дворянских, и дьячих, и гостиных, и торговых и всяких людей животов бесчисленно ж разграбили». В конечном счёте обвинение адресовали самому королю Сигизмунду III: «То ль государя вашего правда и успокоенье государству?»¹³

Миссия кн. Воротынского полностью провалилась, переговоры зашли в тупик и закончились скорой послов, не успевших обсудить порученных им дел. Поэтому должного интереса к материалам переговоров Московского государства и Речи Посполитой под Смоленском в 1615–1616 гг. исследователи не проявляли. Хотя, как показывают документы, именно тогда стороны готовились к рассмотрению всех претензий, накопившихся со времён Бориса Годунова и Василия Шуйского, а также времени присутствия в Москве польско-литовского гарнизона в 1610–1612 гг. Когда польско-литовская сторона стала предъявлять какие-то уже совсем фантастические требования об оплате «грошей» королевскому войску, московские послы передали имперскому посреднику Эразму Гейделиусу «Перечневый список» с переписью утраченной казны, основанный на показаниях разных лиц и документах, подтверждавших выплаты полковникам и ротмистрам в Москве: «А королевскому войску грошей платить нам не за что, мы их на разоренье Московскому государству и на кровь крестьянскую не призывали, за то ль им и давати, что они Московское государство разорили и многую неизчетную казну, из давных лет сокровища, и из монастырей, и из иных церквей всякое строенье и всяких людей животы поимали»¹⁴.

Впервые подробности о расхищении казны в 1610–1612 гг. стали известны из документальной публикации в «Русской исторической библиотеке». В 1875 г. П.М. Строев разыскал столбцы Оружейной палаты, включавшие «Отчёты расходов царской казны после разгрома Москвы поляками. 1611–1612» и документы под названиями «Выдача жалованья польским ротам в Москве, частию деньгами, частию остатками царской казны» и «Оценка двух венцов царских и двух рогов единороговых, назначенных в уплату польским войскам в Москве. 1612»¹⁵. Это, по сообщенным Строевым сведениям, были современные подлинники с рукоприкладствами или черновики с пометами. Частичная публикация текстов одного из документов состоялась в издании сочинения капитана Ж. Маржерета¹⁶ в 2007 г. К сожалению, как констатировала Т.А. Лаптева, заново готовившая к печати некогда хранившиеся в Оружейной палате документы, со временем подлинники текстов, положенные в основу публикации в «Русской исторической библиотеке», оказались утеряны¹⁷.

¹³ РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 30, л. 173–173 об.

¹⁴ ОР РНБ, ф. 550, F.IV.101, л. 884.

¹⁵ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее – РИБ). Т. 2. СПб., 1875. № 95. Стб. 222–248; № 96. Стб. 249–264; № 97. Стб. 265–273.

¹⁶ Жак Маржерет – французский «капитан», возглавлявший некогда охрану Лжедмитрия I, один из тех, кто получал выплаты из московской казны «при литве».

¹⁷ Маржерет Жак. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. А. Береловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова. М., 2007. С. 14, 265–272.

Сыск и счёт разграбленной казны начался в момент вступления в Москву объединённого земского ополчения во главе с кн. Д.Т. Трубецким и кн. Д.М. Пожарским 27 октября 1612 г. В столбцах Оружейной палаты, связанных с процессом возвращения вещей, розданных в 1610–1612 гг., сохранилась отсылка к одному из пунктов договора о сдаче иноземного гарнизона московского Кремля во главе с полковником Николаем Струсем: «А как боярину и воеводе князю Дмитрею Тимофеевичу Трубецкому да стольнику и воеводе князю Дмитрею Михайловичу Пожарскому с товарыщи и всей земле литовские люди Струсь с товарыщи сдавал город Кремль, и в договоре написано, что у бояр, и у окольничих, и у диаков, и у всяких людей, которые у литвы сидели в Москве, у кого из них государевы казны или какие земские, и то взять в государеву казну, и на том крестным целованьем закреплено»¹⁸.

В дальнейшем, после вступления сил ополчения в Москву, сбор и охрану оставшейся московской казны поручили Кузьме Минину. О роли Фёдора Андronова, ведавшего казнью «при литве», знали все, поэтому его сразу арестовали и отдали «за пристава» кн. Ф.И. Волконскому. В 1915 г. было опубликовано дело о побеге Андronова из-под стражи, сохранившее немало интереснейших деталей состояния казны. Именно из этих документов стало известно о роли Минина, несколько «потерявшегося» в источниках после освобождения Кремля. Оказалось, что одним из мест, куда собирались остатки казны и остальное имущество, принадлежавшее офицерам и солдатам польско-литовского гарнизона, стали палаты Чудова монастыря¹⁹.

Побег Ф. Андronова в ночь с 13 на 14 марта 1613 г. стал чрезвычайным событием. Сразу были разосланы грамоты об устройстве застав, что и помогло спустя день поймать беглого «изменника» недалеко от Москвы. Побег продлил Андronову жизнь. В отчёте царю Михаилу Фёдоровичу писали: «А казнити, государь, его ныне дворяне, и атаманы, и казаки, и всякие люди отговорили, потому что об его изменничье побеге писано во все города, и его, изменника, поимали вскоре». Хотя общий приговор уже был вынесен: «А как, государь, всем людем про того изменника Федку Ондронова объявили, и его, государь, вершат по его злодейским делам, как всяких чинов и чорные люди об нем приговорят»²⁰. После получения необходимых свидетельских показаний Андronова казнили одновременно с Иваном Заруцким и сыном Марины Мнишек «царевичем» Иваном Дмитриевичем в конце 1614 г.²¹

Памятником деятельности московской администрации в первые годы царствования Михаила Фёдоровича стал обнаруженный источник – «Перечневый список», подготовленный к отправке великого посольства боярина кн. Воротынского не позднее 31 августа 1615 г. Он начинается ссылкой на общий сырск,

¹⁸ Успенский А.И. Столбцы бывшего Архива Оружейной палаты. Вып. 1. М., 1912. № 2. С. 1.

¹⁹ Именно туда пришла ограбленная казаками сестра Андronова, получив разрешение Минина взять себе кое-что из платья. Попутно она смогла найти в каком-то «литовском чемодане» и унести с собой в небольшом «мешочке» алмазы, поиск которых посвящено немало страниц дела (Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля – 1613 г.). М., 1915. № 22. С. 65–80; Козляков В.Н. Московский кремль после освобождения в 1612 году // Московский Кремль в государственной жизни России. Четыре столетия истории. М., 2016. С. 7–15).

²⁰ Акты времени междуцарствия... С. 66.

²¹ По сообщению «Нового летописца», «Воренка и изменника Федьку Ондронова повесиша» (ПСРЛ. Т. 14. М., 1910. С. 134). В боярском списке 1611 г. рядом с его именем помета: «Пущон при Литве из торговых мужиков и за измену повешен» (Сторожев В.Н. Материалы для истории русского дворянства. Вып. 2. М., 1909. С. 77).

касавшийся людей, «которые сидели в Москве с польскими и с литовскими людми», и на расспросные речи «изменника» Андронова. О необходимости собирания утраченной казны говорится также в приговоре, принятом после вступления земского ополчения в Москву в 1612 г.: «Митрополит, и архиепископы, и епископы, и весь Освященный собор, и бояре приговорили всем людем, кто которую государеву казну имал до московского разоренья и в московской осаде на себя, прислати в государеву казну на Казенный двор беспечно»²². Итоги первоначального сыска подвели 11 февраля 1614 г.: «Лета 7122-го февраля в 11 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу сыскивали его государевы бояре и дьяки московскими осадными людми, которые сидели в Москве с польскими и с литовскими людми, и роспрашивали Московского государства изменника Федьку Ондронова про царскую казну прежних великих государей царей росийских, что из государевы казны взяли польские и литовские люди, и золота угорского в Спасове образе, что был слит боготелесное погребение, и в судех, и в ковшах, и в чарках, и в мамаех²³, и в мисах, и в блюдах, и в судках в столовых, и во всяких судех золотых, и в чепях, и в запонех, и в плащах, да из церкви Пресвятой Богородицы соборные, и от Благовещенъя с Сеней, и от Архангела, и от Вознесенъя покровов з гробниц, и з Денежново двора золотых и всякого золота и серебря, и что какой казны послано х королю, и к Сопеге, и к иным паном, и с кем имянем, и сколько роздано государевы казны литве и немцом на Москве, и кто какую казну роздавал при гетмане Желковском, и после Желковского, как сидели литовские люди в Москве, в заслуженые гроши, и немцом и гайдуком на корм»²⁴.

Показания Ф. Андронова стали одним из главных свидетельств об утрахах сокровищ прежних царей, подтверждая достоверность собранных сведений. Бывший казначай, служивший «при литве», ссылался в расспросных речах на «отпуск» казны с ведома Посольского приказа или по распоряжениям представителя короля в Москве А. Госевского. В раздача золота, ценностей и имущества, по словам Андронова, участвовали и другие дьяки. Некоторые из них оставили по себе такую же память, как и он (при сыске разграбленной казны замучили «изменника» Степана Соловецкого). Упомянутые Андроновым дьяки Андрей Вареев и Фёдор Лихачёв²⁵ служили позднее в земских ополчениx: «И Федька Ондронов сказал, что посыпано х королю, и отпуски были ис-

²² Успенский А.И. Столбцы бывшего Архива Оружейной палаты. Вып. 1. № 2. С. 1–2. Сохранилось сыскное дело 23 июня 1613 г. по доносу о продаже взятых из казны драгоценных камней. В нём упоминаются близкие Андронову люди, которым при нём «было время» (Отрывок сыскного дела про разграбление царской казны // Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. М., 1911. № 113. С. 137–138).

²³ Мамай – драгоценный сосуд, исключительная царская награда. В «Утвержденной грамоте» об избрании на царство Бориса Годунова говорилось о том, что его пожаловал таким сосудом царь Фёдор Иванович после победы над крымским ханом Казы-Гиреем. Сосуд был взят Дмитрием Донским «у безбожного Мамая, как его победил»: «и судна златаго, зовомый Мамай» (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 2. СПб., 1836. № 7. С. 26; Забелин И.Е. Братина Мамай // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским Археологическим обществом. Т. V. М., 1897. № 12. С. 369–374).

²⁴ ОР РНБ, ф. 550. Ф. IV. 101, л. 884–884 об.

²⁵ В документе о выдачах жалованья офицерам московского гарнизона, опубликованном в РИБ, тоже есть подобное упоминание: «Пан Грабех взял у Федора Лихачева щит, 5 золотых, тулунбас», другие предметы, серебро и ткани, всего «дано 906 золотых сполна» (РИБ. Т. 2. № 96. Стб. 262). Лихачёв в 1610/11 гг. служил в Новгородской чети, а в 1611–1612 гг., возможно, на

Посольского приказу, а иные от Гасевского, а что с кем послано, и того ему упомнити не мочно. А на Москве роздавали казну дьяки Иван Чичерин, Степан Соловецкой, Михайло Тюхин, Ондрей Вареев, Федор Лихачев, и что кому по Гасевского веленью и по ево памятем, и по имянным приказом давали, то у них писано в книгах, и что х королю посылано, и то в старых книгах против статей мечено»²⁶.

Из процитированного фрагмента показаний Андronова выяснялись хорошо известные ему факты выдачи золота и другого имущества из казны, оставившие документальные следы в приказном делопроизводстве. Это были отсылки подарков королю Сигизмунду III и раздачи «по велению» главы московского гарнизона старосты Госевского. В том и другом случае, по словам дьяка, все выплаты фиксировались в отдельных книгах, а «в старых книгах» (имелись в виду более ранние описи царской Казны) делались соответствующие пометы. Эти показания подтвердили и упомянутые Андronовым дьяки Иван Чичерин и Михайл Тюхин. Они тоже говорили, что вели учёт в отдельных расходных и записных книгах продаж. Важные детали связаны с указанием на первичный сыск казны в Разрядном приказе, а также на нахождение учётных книг в Казённом приказе: «А Иван Чичерин да Михайло Тюхин сказали, что они казны литве, и немцом, и на купецкие дворы в продажу отдали, и то писано в книгах. А книги иные были в Вознесенском монастыре, а иные поимали у них в сыск в Розряд, а ныне на Казенном дворе, а х королю что посыпано, то ведает Федька Ондронов»²⁷.

Казна оставалась «магнитом» при всех переменах власти периода «междуцарствия». После сведения с престола Василия Шуйского в июле 1610 г. его обвинили в «растрате» царской казны, и начался сырь сокровищ, якобы пропавших в его царствование. Сырь затронул царицу Марию Шуйскую, арестовали имущество царских братьев князей Д.И. и И.И. Шуйских²⁸. Из их имущества впоследствии проводились выплаты польско-литовскому гарнизону в Москве. Представление о растрате Василием Шуйским казны было широко распространено. Своеобразную «психологическую готовность» к обвинениям в его адрес использовали доверенные лица Сигизмунда III в Москве. Король прислал из ставки под Смоленском специальное распоряжение о сохранении казны и наказании её расхитителей²⁹. Основную «работу» выполнили Госевский и бывшие сторонники Лжедмитрия II (включая думных дьяков Андronова, Чичерина, Соловецкого, а также дьяка Тюхина)³⁰. В королевской ставке их назначили ведать Казной, Дворцом и Новгородской четью, где собирались доходы. Обычный порядок выдач из казны виден также по сохранившимся королевским грамотам, в которых московским боярам настойчиво приказывали уплатить гетману Яну Сапеге 3 тыс. руб. (10 тыс. польских золотых). 20 мая 1611 г. деньги

Казённом дворе; во Втором ополчении ведал Поместным приказом (*Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 608–609.*)

²⁶ ОР РНБ, ф. 550, F.IV.101, л. 884 об.–885.

²⁷ Там же, л. 885.

²⁸ РГАДА, ф. 396, оп. 23, д. 36217, л. 13; д. 36219, л. 1.

²⁹ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 287–288.

³⁰ Биографии этих дьяков см.: *Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства... С. 586, 623, 628, 632.*

Сапеге под Смоленск лично привёз Андронов, названный в расписке гетмана «боярином и казначеем»³¹.

Используя обнаруженный «Перечневый список» и другие источники, рассмотрим хронологию и структуру основных выдач из московской казны в 1610–1612 гг. В документах расходы из царской казны делятся на два больших периода – «до московского разоренья» и после него, во время «осады» Москвы земскими ополчениями, продолжавшейся с конца марта 1611 г. до 27 октября 1612 г. Разделительная грань – пожар и резня в Москве 19 марта 1611 г., спровоцированные действиями Госевского, который пытался противодействовать подходу к столице сил Первого ополчения. Хронологическими вехами стали перемены власти в московском гарнизоне, связанные с присутствием в столице коронного гетмана Станислава Жолкевского в августе–сентябре 1610 г., а также иноземного войска под командованием «московского старосты» (как его тогда называли) Госевского и полковника Струся (с июня 1612 г.). Царская казна заметно пострадала и от действий литовского гетмана Карла Ходкевича, пришедшего в Москву в сентябре 1611 г.

Из «Перечневого списка» видно, что поиск современниками утраченной в 1610–1612 гг. казны шёл по нескольким направлениям. Во-первых, фиксировались прямые выдачи золота и драгоценностей из царской казны, о чём знал Андронов. Во-вторых, проводился счёт разграбленного имущества кремлёвских соборов – Успенского и Благовещенского, «покровов», снятых с гробниц царей и цариц в Архангельском соборе и Вознесенском монастыре. В-третьих, искали сведения о выдачах с Денежного двора золота, серебра, драгоценностей и денег, отосланных как напрямую королю Сигизмунду III, так и гетману Яну Петру Сапеге и его войску. В-четвёртых, учитывали выплаты денег из казны «литве и немцом», начатые при гетмане Жолкевском в 1610 г. и продолжившиеся позднее, «как сидели литовские люди в Москве». В соответствии с этими направлениями в «Перечневом списке» упоминаются также и первичные документы (частично опубликованные в РИБ), на основании которых установили список имущества, отправленного Сигизмунду III, золота и денег, выплаченных в Москве гетманам Жолкевскому и Ходкевичу, а также полковникам и ротмистрам иноземного гарнизона. В «Перечневом списке» впервые был сделан общий расчёт убытков.

Главной утратой московской казны стала царская корона. Об обстоятельствах её пропажи было известно, в РИБ опубликован документ «Оценки двух венцов царских...», проведённой Николаем Влохом: один «венец золот, а в нем напереди каменья, яхонт лазорев гранен, велик, цена 9 000 рублей». Далее описаны все драгоценные камни – изумруды, яхонты, жемчуг, «крест наверху» с алмазами, посчитана её общая стоимость: «И всего в венце каменью и жемчугу цена, опричь золота, 20 041 рубль; а полскими золотыми 66 803 золотых и грошей 10»³². Второй «венец золот новой, недоделан» оценили в меньшую сумму, камни и жемчуг – «7 872 рубля и 15 алтын», и «золото по смете 11 гривенок, по 30 рублей». Общая сумма «венцу и с золотом полскими золотыми» ока-

³¹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. II. М., 1819. № 257. С. 543.

³² Один рубль считался равным 3,3 золотых. Для удобства подсчётов сумму в рублях могли умножать на десять и делить на три.

заявилась 27 341 золотых и 15 грошей³³. Описание венцов в «Перечневом списке» восходит к этой «Оценке», в двух документах приведены одни и те же суммы.

Королю Сигизмунду досталась также «корона большая фряская». Указание на её европейское происхождение ставит точку в спорах об одной из царских регалий – «Сибирской шапке». А.В. Лаврентьев предполагал, что эту пропавшую из московской казны корону, заказанную в Империи при Борисе Годунове, выдали в «залог воинству» вместе с другой, «неоконченной», предназначавшейся Марине Мнишек. Позднее обе были «разобраны и поделены солдатами польской армии». Однако, оказывается, в заклад сапежинцам выдали только менее ценную, готовившуюся для жены Лжедмитрия I. Поэтому описанная в «Перечневой росписи» корона, с указанием на её отсылку королю Сигизмунду III, видимо, хранилась позже как инсигния польских королей³⁴: «Послано х королю с Олексеем з Безобразовым коруна большая фряская с каменьи и з жемчуги, а в списке сыскано, что ценил Миколай Влох. Венец золот, в нем напереди камень яхонт лазорев гранен велик, подле яхонта и по сторонам изубруды и яхонты червчетые и лазоревые, и алмазы, и лалы в городках з жемчуги. Цена каменью и жемчугу, опричь золота, по московской по дешевой цене 20 041 рубль, а польскими золотыми 66 803 золотых и грошей 10»³⁵.

После расспроса Андронова и ездивших к королю под Смоленск дворян подсчитали стоимость главных подарков Сигизмунду и королеве Констанции: «коруна», «ларец обановой», т.е. из самого дорогого эбенового дерева, «обложен серебром с яхонты, и с изумруды, и с алмазы, цена 700 рублей», жемчуг («зерна»), а также меха, взятые канцлером Львом Сапегой: «И всего послано х королю по цене коруна, да ларец обановой, да королевой зерен, да соболей, и лисиц, и всякие иные рухляди, и что взял на короля в королевскую казну Лев канцлер Сапега у торговых людей у Григория Шорина с товарищи соболей, и что у Савы Чорного его рухляди рысей, и шапок чорных, и шуб собольих взял канцлер же на короля по московской по дешевой цене 28 254 рубля 7 алтын 4 деньги, а польскими золотыми 94 180 золотых 23 гроши»³⁶.

Следующие подсчёты касались других «чувствительных» потерь, связанных с утратами богато украшенных икон, крестов, панагий, и упомянутой в «Федкине скаске» (т.е. в показаниях Андронова) царской «диядими большой», использовавшейся при царском венчании и тоже отосланной к королю (приведено её описание из «переписной большой книги, как переписывали при царе Василье»). Сюда же вошли драгоценная «чарка крабицею сердоликова», окованный золотом «кубок инроговой», «судно хрустальное», «шахматы каменные, донца серебряные, золочены» с досками «асpidными» и «камень изумруд большой в золотом гнезде». Ссылка в «Перечневом списке» на «переписные книги Пафнутья митрополита» помогает понять, что речь шла о сырье казны, оставшейся после царя Василия Шуйского и царицы Марии. В архиве Оружей-

³³ По замечанию публикатора документа, «суммы золотыми, вероятно, поставлены после» (РИБ. Т. 2. Стб. 265–272).

³⁴ Лаврентьев А.В. Царевич-царь-цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. СПб., 2001. Приложение А. «Императорская корона» Лжедмитрия I и царские «шапки» кремлевской казны XVI – начала XVII в. С. 188–189; Лаврентьев А.В. «Московитская корона» в казне польских королей XVII–XVIII вв. (о происхождении и судьбе инсигний) // Slovène. 2018. № 1. С. 98–99.

³⁵ ОР РНБ, ф. 550, F.IV.101, л. 885 об.

³⁶ Там же, л. 887.

ной палаты хранится опубликованная И. Е. Забелиным часть делопроизводства сыска царицыной казны, датированная 27 октября и началом ноября 1610 г. В этих документах митрополит Сарский и Подонский Пафнутий (бывший архимандрит Чудова монастыря) упомянут вместе с боярином кн. И. С. Куракиным и другим известным сторонником короля кн. В. М. Мосальским: «119-го октября в 27 день митрополит Пафнотей, да архимандрит Ферапонт, да бояре князь Иван Семенович Куракин, да князь Василий Михайлович Мосальской с товарыщи смотрели царицыны казны по списку переписи Кузмы Безобразова да дьяка Ивана Федорова, и в том списке написано»³⁷.

Общий итог ущерба по «переписным книгам» митрополита Пафнутия не установлен, так как предметы там записаны без оценки. Но речь шла о наиболее богато украшенных образах, видимо, хранившихся в царских покоях – двух иконах «Благовещение Пресвятой Богородицы», «Воскресение Христово», образе «Рече Господь Господеви моему» и драгоценных вещах из казны прежних царей. Интересна судьба одного из предметов, упомянутого в этом перечне: «Панагея на перелефти, на рези Предтеча, обложена золотом, в главе камени нет». Панагию, принадлежавшую Ивану Грозному, удалось вернуть в казну³⁸. Количество других драгоценностей, выданных гетману Яну Сапеге, воевавшему на стороне Лжедмитрия II полковнику Александру Зборовскому, ротмистру его полка Анджею Млоцкому, королевскому представителю Яну Комаровскому, отправленному в гонцах из Смоленска в Москву 26 марта 1611 г.³⁹, и оценщику Н. Влоху подсчитано более точно: «По королевским грамотам пану Яну Сапеге, и Зборовскому, и Комаровскому, и Млодцкому, и Миколаю Влоху крестами, и понагеями, и золотыми, и деньгами, и собольми, и запонами, и окладни, и бархоты, и камками и иною всякою рухлядью по московской по дешевой цене 10 147 рублей и на 14 алтын з деньгою, а польскими золотыми 33 824 золотых 23 гроша з деньгою»⁴⁰.

Самые большие раздачи из казны связаны с именем литовского гетмана Ходкевича. Первый «Ходкевичев приход» в сентябре 1611 г., похоже, стал временем настоящего дележа добычи. Гетман оказался в безвыходном положении, так как воинство готово было от голода разбежаться из Москвы и требовало выплаты жалованья. Слабые попытки московских бояр защитить казну ссылкой на будущее венчание королевича Владислава в Москве успеха не возымели. По запискам Самуила Маскевича, «воинство» соблазнял сам вид московского богатства: «Было чем заплатить из казны; но бояре не хотели трогать сокровища, необходимые для торжественного венчания королевича, которого с часу на час ожидали. Там хранились всякие вещи, употребляемые при коронации: царские одежды, утварь золотая и серебряная, множество золотой столовой посуды, не говоря о серебряной, драгоценные каменья, сверх того дорогие столы,

³⁷ РГАДА, ф. 396, оп. 32, д. 36219, л. 2; Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1869. С. 18.

³⁸ В последующие времена её ждало немало других перипетий. В XVIII в. она попала в Эрмитаж, а сейчас хранится в Музеях Московского Кремля (Постникова-Лосева М.М. Три камеи Государственной Оружейной палаты // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1975. М., 1976. С. 223–229).

³⁹ Сборник ИРИО. Т. 142. С. 265; Бахун Т. Пацификация и пожар Москвы 29 марта – 5 апреля 1611 года // Мининские чтения. Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского подвига. Н. Новгород, 2012. С. 294.

⁴⁰ ОР РНБ, ф. 550, F.IV.101, л. 889 об.–890.

осыпанные каменьями стулья, золотые обои, шитые ковры, жемчуг и многое тому подобное. Всё это я видел своими глазами»⁴¹.

Многие предметы великий гетман литовский Ходкевич взял не для воинства, а себе. Он брал деньги, драгоценности, оружие, украшения, ткани, часы, шатёр и ковры «не ценя», поэтому имеет смысл привести список «трофеев Ходкевича», упомянутый в «Перечневом списке». Наибольший интерес среди них представляют царский посох «инроговой» и знамя, хотя и «любовь» к шахматам, выданным также королю Сигизмунду (а ещё и Госевскому), тоже может быть отмечена как любопытный штрих. Тем более что иерархическое московское сознание проявлялось даже в частностях: король получил из казны «каменные» шахматы с доской, украшенной серебром, гетман — «яшмовые», московский староста — «из рыбьего зуба». «Гетман Хаткеев взял шкатул, и покровцов, и сабель, и иной всякой рухляди по московской по дешевой цене 1585 рублей, а польскими золотыми 5283 золотых и грошей 10. Да не ценя гетман же взял из Степановы книги Соловецкого 18 образов окладных розные святые, оклады басмыны, венцы сканные. Царской посох инроговой, наверху городок золот с каменьми, а на другом конце обнято золотом с каменьем же. Часы боевые башня с планидами. Часы боевые струнные круглые башенка. Часы ходовые с мигалом образинка. Часы медведь з боем.

Из книги Ивана Чичерина. Два ковра причасные золотые. Знамя Видение Иванна Богослова, в кругу Господь Бог наш на коне, изо уст ево изыде оружие, избивая языки, а за ними воинство небесное, а пред ним в кругу архангел Михаил. Шито по тафте по червчатой золотом да серебром. Ларчик невелик, а в нем крыж серебрен золочен, святые панны, римское писмо. Три камки бурские на червце о[г]лас зелен, бел, лазорев, багров, з золотом. Камка бурская на червце круги золоты, шолк бел, зелен, лазорев, розвода чешуйчата.

Да по Федкине ж скаске. Шатер кизылбашской вязен золотом и серебром. Шахмоты яшмовые обложены золотом»⁴².

Следующими, кто получал выплаты вещами и драгоценностями из московской казны, были главы иноземного гарнизона в Москве — А. Госевский и полковник Н. Струсь. Они тоже брали предметы «не ценя»: «Александру Гасевской взял перстней и окладней золотых, саадаков, и щитов, и нарядов польских, и лисиц, и иные всякие рухляди по московской по дешевой цене 2472 рубли 14 алтын пол 2 деньги, а польскими золотыми 8241 золотой 12 грошей пол 2 деньги.

Да не ценя дано Александру Гасевскому. Образ в киоте Пресвятые Богородицы Одигитрие, Младенец на правую руку; оклад, и венец, и коруния серебряные, золоченые, чеканные, оплечье навожено чернью, цата золота, по полям святые розные, коруна, и венец, и цата, и оплечье, и ожерелье с камнем и жемчюги. Двойи шахмоты, одны рыбей зуб, а другие костяные. Три самапалы кородких, навожены золотом с костьми. Книга о воске. Книга печатная Новой Завет. Чернильница да песочница серебряные. Самопал колесной с костьми. Девять пуговок золотых шеломчатьых с алмазы. Кровать сандальная дорожная. Окладень большой золот с алмазы и яхонты червчатьими, а в нем тритцать шесть запонок.

⁴¹ Дневник Маскевича. 1594–1621 // Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. 2. СПб., 1859. С. 82.

⁴² ОР РНБ, ф. 550, F.IV.101, л. 890–891.

Струсь взял образов окладных, и запон, и окладу, и каменья яхонтов и лалов, и жемчугу, и денег, и перстней, и всякие рухляди, опричь того, что имал не ценя, по московской по дешевой цене 1360 рублей 14 алтын 4 деньги.

Да не ценя Струсь же взял, из большие и с переписные книги. Образ пророка Илии большая пядница, обложен золотом чеканным, за 30 рублей. Паникадило меденое с чесами. Жеровня серебряная золочена для духов. Тумпаз велик, не олмажен. Камень тумпаз гранен. Часы трубные. Часы боевые, ходящие, на колесех. Колымага. 15 протазанов черены, оболочены бархотом, обвито серебром. Да 17 протазанов черены, оболочены бархотом же, без серебря»⁴³.

Судя по отдельной выписке, «из большие прежние царя Васильевы переписные книги» разные предметы из казны получали и другие командиры московского гарнизона, в частности Пётр Борковский, возглавлявший «немцев» – бывших наёмников из Швеции, воевавших на стороне Василия Шуйского. После победы гетмана Жолкевского в Клушинской битве в июне 1610 г. одни иноземцы вернулись домой, а другие перешли на службу королю и оказались в составе московского гарнизона. Драгоценностями, золотыми запонами, «споротым» или «скатным» (речным) жемчугом, тканями, вооружением и богатой конской упряжью поживились капитан Маржерет («Яков капитайн»), зборовцы, сапежинцы, королевский посланник и племянник коронного гетмана «пан Адам Желковской». Среди тех, кто что-то взял из казны, можно найти и автора «Записок о Московской войне» Н. Мархоцкого. Его запросы («бархатов и камок и иной всякой рухляди» на «73 рубли, 3 алтына, 2 деньги») были не слишком высоки. Для других, особенно частых выдач вещей из казны, приходилось заводить специальные книги. Например, «что дано Петру Борковскому и Якову капитайну при пане гетмане (Жолкевском. – В.К.) и после пана гетмана... на немецкие люди Шуйский двор сентября с 23 числа августа по 15 число»⁴⁴. Не случайно потом, когда в 1612–1613 гг. Маржерет пытался действовать как посредник в делах англичан в Московском государстве, одно его имя вызвало недоверие из-за репутации расхитителя московской казны⁴⁵.

По общим подсчётом в «Перечневом списке» гетману Ходкевичу, руководителям московского гарнизона, главе немецкого полка Борковскому и ряду офицеров выдали примерно такую же сумму денег, в какую оценивалась «фрясская» царская корона, отосланная Сигизмунду III: «И всего дано гетману, и полковником, и ротмистром, опричь депутатской рахунки из рот, запон золотых, и окладней, и каменья, и яхонтов, и лалов, и изумрудов, и шуб собольих, и бархотов, и камок, и отласов, и тафт, и конских нарядов и иной всякой рухляди по московской по дешевой цене 21004 рубли 23 алтына з деньгою, а польскими золотыми 70015 золотых 19 грошей з деньгою»⁴⁶.

Далее из текста становится понятным, почему потребовалось учитывать отдельно «депутацкий рахунек», т.е. счёт, предъявленный депутатами от польско-литовского воинства в составе московского гарнизона. Этими выдачами ведал думный дьяк И. Чичерин, записывавший, что «депутия на рыцерство взяли государевы казны в цену». В одном «Спасове образе» взяли «105 гривенок

⁴³ Там же, л. 891–893.

⁴⁴ РИБ. Т. 2. Стб. 232. О выдачах «Борковскому и капитану» отдельно сказано и в «Перечневом списке» (ОР РНБ, ф. 550, F.IV.101, л. 893–893 об.).

⁴⁵ «А Яков Маржерет Московскому государству зрадца, и ведомой враг и розоритель» (*Маржерет Жак. Состояние Российской империи...* С. 335–336).

⁴⁶ ОР РНБ, ф. 550, F.IV.101, л. 897 об.

63 золотники угорское золото по 30 рублей гравенка. Итого 3 170 рублей 23 алтына». Запись связана с упоминанием в самом начале документа «Спасова образа, что был слит богочелесное погребение». Поэтому появляется возможность уточнить, что в процитированной ранее «Истории Московской войны» ротмистра Маркоцкого речь шла о делёжке воинством не статуи Христа, а золотой чеканной плащаницы, приготовленной в царствование Бориса Годунова для строившегося храма «Святая Святых» в Кремле и оказавшейся одной из самых заметных утрат царской казны⁴⁷.

Среди документов, опубликованных в РИБ, сохранились и подлинные учётные записи «денег казенные ж продажи, и что денег золотых взято с Денежного двора». Эти средства для выдачи воинству получали думные дьяки И. Чичерин и Е. Витовтов. Характерно, что в первичных учётных документах упоминали избранного на московское царство королевича Владислава: «Да из государевы царевы и великого князя Владислава Жигимонтовича всеа Русии казны дано на полские ж и на литовские люди, на рыцерство, в заслуженое, их депутатам»⁴⁸. Имена депутатов от «рыцерства», представлявших интересы иноземного гарнизона и получивших жалованье «в заслуженое две четверти», приводятся в «Перечневом списке»: «пан Дубинской, пан Ледицкой, пан Троян, пан Станислав Вильмот, пан Станислав Ралецкой, пан Манчельской, пан Вильмов». По общему итогу за службу в московском гарнизоне они успели получить почти четверть миллиона рублей: «И всего депутата взяли на рыцерство Ивановы дачи Чичерина да Михаила Тюхина всякие рухляди 245 245 рублей 21 алтын с полуденьгою, а золотыми польскими 817 485 золотых, 13 грошей с полуденьгою»⁴⁹.

Учитывая ещё дополнительные расходы, потраченная на выплаты иноземному гарнизону денежная казна и «рухлядь» оценивались даже в большую сумму, достигая трети миллиона рублей. Однако почти все расчёты без специальной оценки оставались относительными. Да и проводилась оценка, как правило, «по московской дешевой цене». «Воинство» при получении жалованья за службу могло её даже снизить и учесть выданные им в счёт жалованья предметы из казны по своей собственной цене.

«Заслуженое и корм деньгами и рухлядью» выплачивалось отдельно каждому полку в составе иноземного гарнизона и каждой роте в его составе. Об этом известно из публикации в РИБ. Однако текст не имеет начала, по сравнению с «Перечневым списком» в нём отсутствуют подсчёты общих сумм. Сопоставление документов показывает, что в РИБ пропущено упоминание нескольких рот полка А. Зборовского, отсутствуют сведения о выплатах ротам «самого Зборовского», «пана Рудницкого», «пана Рудинского», гусарским ротам «червоное знамя», «чорное знамя», «белое знамя», «пана Млотцово», «пана Бобковского». Нет сведений о выплате ротам полка А. Госевского, включавшим «гусарскую роту», «пана Русецкого», «пана Глуского», «пана Гречена», «пана Жицкого», казацкую роту «пана Дорошки», «пана Пенешкина», «пана Бочкояна Скорунского», а также об отдельных выплатах «паном Гасевского полку Велегловскому и Воину Янецкому». Общая сумма трат на пять полков А. Зборовского, А. Госевского, Н. Струся, М. Казановского и Л. Вейера

⁴⁷ Баталов А.Л. Гроб Господень в замысле «Святая Святых» Бориса Годунова // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 156–160.

⁴⁸ РИБ. Т. 2. Стб. 227.

⁴⁹ ОР РНБ, ф. 550, F.IV.101, л. 900.

в составе московского гарнизона в 1610–1612 гг.⁵⁰ охарактеризована следующим образом: «И всего дано на полк пана Зборовского, на полк пана старосты Гасевского, на полк пана старосты Струсов, на полк пана Козоновского, на полк пана Воерова и их полков ротмистров на роты в заслуженое в первую половину, и в другую, и в последнюю четверть на корм деньгами, и рухлядью, и запонами, и каменьем, яхонты, и лалы, изумруды, и жемчугом, и окладнями, и золотыми, и судами золотыми и серебряными, и из Оружейной полаты всякою ратною збурую, и конскими наряды, и платьем, и всякою рухлядью по дешевой цене московских гостей торговых людей 111835 рублей 11 алтын пол 3 деньги, а польскими золотыми 371 105 золотых 11 грошей з денгою»⁵¹.

В состав иноземных полков в Московском государстве в 1610–1611 гг. входили также «немцы» во главе с П. Борковским и «Сопегино войско». Они упомянуты в конце «Перечневого списка», однако свои выплаты получили первыми, сразу после заключения гетманом Жолкевским договора о призвании королевича Владислава 17 августа 1610 г. «Немцы» предъявили претензии об уплате денег за службу Жолкевскому раньше других, ещё до того, как в столице появился польско-литовский гарнизон. Опубликованный в РИБ «Росход золотым и денгам и всякие рухледи» начинался именно с записи о выдаче денег «немцом», служившим после битвы под Клушино под командованием Борковского, успевшим получить деньги «при пане гетмане корунном» и продолжавшим их получать. По иронии судьбы в раздачу пошло имущество брата Василия Шуйского – кн. Д.И. Шуйского, проигравшего Клушинскую битву (по слухам, получив жалованье на иностранных наёмников, воевода не захотел раздавать его перед сражением): «Немцом при Борковском, и при гетмане, и после Борковского из государевы казны с Казенного двора, и из Ноугородские чети, и з Денежного двора, и из княж Дмитреевы рухляди Шуйского золотыми, и деньгами, и чепми золотыми, и судами серебряными, и рухлядью всякою – бархоты, и камками, и жемчугом, и каменьем, и из Оружейной полаты щитами и протазаны на корм дано по дешевой цене 46 926 рублей пол 10 деньги, а полскими золотыми 156 420 золотых 4 деньги»⁵².

Ещё больший след в разграблении казны оставили гетман Я. Сапега и его войско, пришедшее под Москву с Лжедмитрием II сразу после сведения с трона Василия Шуйского. Гетману Жолкевскому удалось «оторвать» воинство Сапеги от поддержки самозванца. Записи о выплатах ему есть в одном из документов, опубликованных в РИБ: «Пану Яну Сапеге, как стоял преж под Москвою при пане гетмане корунном, послано из государевы казны золотыми угорскими 1428 золотых» и ещё дополнительно 1 тыс. руб.⁵³ В «Дневнике» секретарей гетмана 14(24) сентября 1610 г. также упоминается о присылке «паном гетманом коронным» «тысячи рублей для больных и раненных из товарищества»⁵⁴. В этот

⁵⁰ Состав полков московского гарнизона и их хоругвей восстановлен польским исследователем Т. Бохуном (*Bohun T. Moskwa. 1612. Warszawa, 2005. S. 64–65; Bohun T.* Польско-литовский гарнизон в Кремле (1610–1612 гг.) // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы Российской-польской научной конференции. Москва, 24–26 октября 2012 г. М., 2016. С. 194–209).

⁵¹ ОР РНБ, ф. 550, Ф. IV.101, л. 905.

⁵² Там же, л. 905 об.

⁵³ РИБ. Т. 2. Стб. 222, 232.

⁵⁴ Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611). М.; Варшава, 2012. С. 239.

день сапежинский полк отправился «в Северскую» землю, создавая давление на Калугу, где находилась ставка Лжедмитрия II.

В отличие от полка Зборовского, служившего ранее Лжедмитрию II и первым перешедшего на службу королю Сигизмунду, сапежинцы в надежде получить «заслуженое» ими в тушинские времена жалованье постоянно играли на противоречиях между королем и «цариком», московским гарнизоном во главе с Госевским и воеводой земского ополчения Прокофием Ляпуновым. Они одновременно вели переговоры с Ляпуновым и посыпали представителей для осмотра «залога», обещанного им за поддержку московского гарнизона: «рогов, и короны, и вещей опальных и для принятия этого»⁵⁵. Переданные сапежинцам «заклады», выданные в счёт их будущего жалованья 14(24) июня 1611 г., описывал Самуил Маскевич: «Две царские короны, из коих одна принадлежала Годунову, а другая, ещё не совсем оконченная работою, Димитрию, мужу Мнишковны, два или три единорога, царский посох из единорога, по концам оправленный золотом с бриллиантами, и гусарское седло того же Димитрия, украшенное золотом, каменьями и жемчугами. Мы согласились принять этот заклад, и товарищи отправили к боярам депутатов ударить по рукам»⁵⁶. Аналогичный список предметов можно найти в «Перечневом списке» (кроме годуновской короны, отосланной королю). Помимо «короны Марины Мнишек», оценку которой провел Н. Влох⁵⁷, большой интерес представляет описание невероятно богатого гусарского седла Лжедмитрия I: «У Сопегина войска венец новой, не доделан, наверху крест золот, в середке изумруд, а венце каменье яхонты, и алмазы, и зерна гурминские в гнездах, да в недоделке обручик, которому было быть около яблочка с яхонты ж и с алмазы, и с лалы, и з жемчуги по Миколаеве цене Влоха, опричь золота, 7572 рубли 15 алтын. А золота по смете 11 гривенок по 30 рублей гривенка, итого 330 рублей, а золотыми 1100 золотых. И обово венцу цена и з золотом 7902 рубли 15 алтын, а польскими золотыми 26 341 золотой 15 грошей. Единоружцов рог целой, цена 140 000 рублей⁵⁸, а польскими золотыми 465 333 золотых и грошей 10. Другой единоружцов рог нецелой, с обеих концов утерт, 63 000 рублей, а польскими золотыми 209 000 золотых. И всего обеим единоружцом цена 674 333 золотых польских и грошей 10. Седло гусарское обложено золотом, резано с чернью, з запоны з золотыми, и с каменными, и с алмазы, и с яхонты с червчеными и лазоревыми, и з зерны гурминскими, стремяна, и кольцы, и наконечники, и пропойцы золоты, седлу и ошейнику, и оголови, и похвям цена московских гостей 6 570 рублей. А польскими золотыми 21 666 золотых 20 грошей. И всего в закладе у рыцерства 214 390 рублей, а польскими золотыми 714 635 золотых 5 грошей»⁵⁹.

В итоге в начале августа 1611 г. сапежинское войско тоже стало участвовать в дележе добычи и разграблении московской казны. Оттуда направлялись представители к королю и депутаты для получения «жалованья», причём дело

⁵⁵ Там же. С. 299.

⁵⁶ Дневник Маскевича... С. 82–83.

⁵⁷ РИБ. Т. 2. Стб. 268–272; *Лаврентьев А. В. Царевич-царь-цесарь...* С. 189.

⁵⁸ Сохранилась и оценка «единоружцевых» рогов Н. Влохом. А. Жолковский в самой превосходной степени отзывался о них: «А такова, каков целый, як живу, не видал ни в котором государстве» (РИБ. Т. 2. № 97. Стб. 272).

⁵⁹ ОР РНБ, ф. 550, Ф.IV.101, л. 910 об.–912.

дошло до грабежа гробницы царя Фёдора Ивановича⁶⁰. После смерти гетмана Сапеги 4(14) сентября 1611 г. сапежинцы остались без командира, и, как показывает «Перечневый список», пришедший в Москву великий гетман литовский К. Ходкевич дал им санкцию на грабёж раки свт. Петра, митрополита Московского, в алтаре Успенского собора и «расплатился» ценностями из кремлёвских монастырей и соборов.

Полное описание выплат воинству гетмана Я. Сапеги в «Перечневом списке» выглядит следующим образом: «К пану к Яну к Сопеге послано через Падцу каменья, и запон, и зерен турминских, и отласов, и камок, и лисиц, и соболей, и иной всякой рухляди по дешевой цене 4 119 рублей 16 алтын, а польскими золотыми 13 731 золотой 20 грошей. Послом Сопегина войска, которые пришли х королю, Ондрею Хрущинскому, Подгороденскому, Дмитрию Быховскому, Василью Побединскому, Остафью Вольскому золотыми, и каменьеми, и жемчугом, что снято з гробу царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии, по дешевой цене 3 773 рубли, а польскими золотыми 12 576 золотых 20 грошей. По договору гетмана Хаткеева дано на рыцерство пану Чеклинскому депутату в месечные деньги золота в образе Петра чудотворца, что снят с раки, и всяких прикладов золотых, и каменья, и жемчугу, и судов церковных из соборные церкви Пречистые Богородицы, и от Благовещения, и от Рождества Пречистые, и от Архангела, и от Вознесенского монастыря, и из Чудова монастыря, и з патриарши шапки, и з манаты, и с поручей, и с клубка, и с покровов, золота в гробницах, и в паникадилех, и в кадилех, и в подсвечниках, и в сундех, и всяких прикладов каменья, и жемчугу, и государево платно, в котором государи венчались, по московской по дешевой цене 35 083 рубли 11 алтын пол 2 деньги, а польскими золотыми 116 944 золотых 13 грошей пол 2 деньги. Сапегина войска депутатом дано из церкви Благовещенья образов окладных, и прикладов золотых, и каменья, и жемчугу, и пугвиц золотых, и запон, и крестов, и застегков, и кружив, и бархотов, и камок, и конского наряду седел, и ошейков, и наузов по московской по дешевой цене 25 059 рублей 13 алтын 2 деньги, а польскими золотыми 83 531 золотой 10 грошей. Сапегина ж войска дано на раненых, как пришли под Москву, деньгами 1 904 рубли, а польскими золотыми 6 346 золотых 20 грошей»⁶¹.

Итоговые цифры материальных потерь «Перечневого списка» дополнительно учитывали ещё многие другие приказные расходы, включая траты на двор А. Госевского, выдачи, сделанные по его «картам» (распоряжениям) на жалованье раненым, выходцам из плена, перебежчикам («всем выезжим, которые выезжали ис полков и ис городов в город к Литве»). Упомянуты раздачи «денегами, и сукны, и самопалы» пехоте и гайдукам, жалованье «русским людем» (пушкарям, затинщикам и стрельцам), подъёмные деньги послам — кн. Ю.Н. Трубецкому и боярину М.Г. Салтыкову, отправленным в Литву в сентябре 1611 г. Дополнительно подсчитали, «что разграблено в московское разорение», т.е. в пожаре 19 марта 1611 г., «на Конюшне, и во Дворце, и в дворцовых приказех, и в четвертях, и на Купецком дворе, и в Ямском и в Таможенном приказе, и на кабакех». Общая сумма ущерба, нанесённого московской казне

⁶⁰ Сведения о выплате послам Андрею Хрущинскому с товарищами сохранились также в «Отчётах о расходе царской казны». Там есть уточнение, что речь идёт о «каменьях, снятых с шубы, которая была на гробу царя Фёдора», но факта разграбления царской гробницы в интересах сапежинцев это, по-видимому, не отменяет (РИБ. Т. 2. № 95. Стб. 230).

⁶¹ ОР РНБ, ф. 550, Ф. IV.101, л. 905 об.—907.

в 1610–1612 гг., составляла по подсчётом «Перечневого списка» 912 113 руб. 27 алтын 4 деньги. Эти деньги сопоставимы с годовым бюджетом Московского государства в конце царствования Михаила Фёдоровича⁶²: «И всего послано х королю, и по королевским грамотам дано, и на рыцерство депутатом, и немецком, и полковником, и ротмистром на роту, и Сопегина войска депутатом, и по договору гетмана депутатом ж, и Сопеге, и послом литовским и руским, и в долг на полковниках, и на боярех, и на всяких людех, и на приказные расходы, и к Александру Гасевскому на двор, и полковником же, и ротмистром по картам Гасевского, и руским людем пушкарем, и стрелцом московским золота в Спасове образе, и Петра чудотворца, и крестов, и образов окладных, и всяких прикладов, и запон, и каменья, и жемчуго, и в судех, и в ковшах, и в чарках, и в мисах, и в момаех, и соболей, и щуб собольих, и камок, и бархотов, и отласов, и судов серебряных, и серебра, и конских нарядов, и из Оружейной полаты сабель оправных, и ножей, и торчей, и лат, и щитов, и шоломов, и всякой оруженые збури, и полотен, и холстов, и всякой рухляди, и что в московскую розруху разграблено по приказу в Конюшенном, и в Дворце, и в дворцовых приказех, и на кабакех, и что в закладе у рыцерства коруна и единорожцы, и седло гусарское по московской по дешевой цене московских гостей торговых людей 912 113 рублей 27 алтын 4 деньги, а золотыми польскими 3 тысяч 40 379 золотых 13 грошей»⁶³.

Итак, особенных «тайн» с разграблением московской казны больше не остаётся. Вся рутина этого процесса представлена в «Перечневом списке» очень выпукло и ясно. Имея с собой такого рода документ, встретившись под Смоленском в конце 1615 – начале 1616 г. лицом к лицу с литовским гетманом Ходкевичем и Госевским, великие послы во главе с боярином кн. И.М. Воротынским могли чувствовать себя уверенно. В ходе Великого посольства московские послы обвиняли польско-литовских комиссаров в нарушении мирных договоров, заключённых во времена Бориса Годунова, царя Василия Шуйского и с гетманом Жолкевским. Однако заключить новое перемирие от имени Михаила Фёдоровича не удалось. «Большой спор» развернулся по вопросу, кого считать государем в Москве? Послы имели противоположные инструкции: одни должны были добиваться признания царского титула Михаила Фёдоровича, другие – подтверждения прав королевича Владислава⁶⁴. С.М. Соловьёв обращал внимание на слова имперского посла Эразма Гейделиуса, который, «усмехаясь», сказал: «Вы де, великие послы, стоите за имя государя свое, а литовские послы именуют государем московским свое королевича Владислава, у одново де государства стало два государя»⁶⁵, предлагая найти способ помирить «огонь и воду».

⁶² Лисецев Д.В. Государственный бюджет Московского царства рубежа 1630–1640-х гг.: опыт реконструкции // Российская история. 2015. № 5. С. 25.

⁶³ ОР РНБ, ф. 550, F.IV.101, л. 912 об.–913. Требование уплаты этой суммы было повторено в наказе послам на переговорах в Деулино в 1618 г. (РГАДА, ф. 79, оп. 1, д. 32, л. 51 об.; Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 9–10. С. 104).

⁶⁴ Żojdź K. Stronnictwo Zygmunta III Wazy w Wielkim Księstwie Litewskim w latach 1603–1621. Rozprawa doktorska, przygotowana pod kierunkiem prof. dr. hab. Miroslawa Nagielskiego. Warszawa, 2018. S. 164–165.

⁶⁵ ОР РНБ, ф. 550, F.IV.101, л. 428, 434 об.–435; Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 9–10. С. 45–46. Ещё в период подготовки посольских съездов король Сигизмунд III обращался к цесарю Матвею для поддержки прав его сына на московский престол. Однако в итоге деятельность имперского представителя, допустившего вместо содействия договору разрыв переговоров, вызвала

С самого начала переговоров на двух первых съездах 17 и 19 ноября 1615 г. московские послы в своих речах неоднократно возвращались к требованиям уплаты разграбленной казны. Особенно подробно они говорили об этом на третьем и четвёртом съездах 29 ноября и 1 декабря 1615 г. Обвинения в хищении казны были высказаны прямо в лицо виновнику «московского разореня» Госевскому, который, слушая упрёки послов, «в образе переменялся». Московские послы говорили о «переписи» казны при Госевском «и как бояре запечатают и придут опять в казну, а печатей боярских нет, печать Федьки Андронова... а большее и лучшее узорочья иманы ис казны и посыланы х королю тайно», «и та казна в ево казне легла правдою ль?». Хотя Госевский и соглашался с тем, что «пересматривал» царскую казну, но ссылался на необходимость уплаты жалованья войску⁶⁶. В выданном письменном ответе «литовских послов» на «мову» о казне, напротив, содержались обвинения в растрате казны самими боярами и дьяками: «А казны много ваши ж руские люди покрали: кого не приставили бояре, то мало не каждый набравши себе, за город в полки утекали». Хотя «литовские послы» особенно и не скрывали, что во времена присутствия в Москве иноземного гарнизона в 1610–1612 гг. московская казна рассматривалась как военная добыча: «и делили то, што за саблею воинским правом взяли, как то искони века повелoso»⁶⁷.

Когда после пятого и шестого съездов 26–27 декабря 1615 г. переговоры зашли в тупик, польско-литовская сторона предъявила новые, совсем фантастические требования об оплате «грошей» королевскому войску. «Литовские послы» потребовали уплатить «20 легионов золотых» (один легион – 100 тыс., т.е. 2 млн золотых), якобы полагавшихся королевскому войску по договору гетмана Жолкевского. Московские послы, пытаясь удержать переговоры от «рорзванья» и одновременно выполнить всё, что от них требовалось по наказу, отправили 25 января 1616 г. имперскому послу Э. Гейделиусу копию «Перечневого списка» для передачи «литовским послам». В отписке московских послов к царю Михаилу Фёдоровичу говорилось: «И списав с перечневово сыскново списка, что поимали польские и литовские люди, будучи в Москве, из вашие царские казны, и отослали х королю и х королеве, и что имали по себе и давали на роты, и что взял себе Олександро Гасевской и давал московским изменником, и что вышло на ево Олександровы дворовые росходы, послали к цесареву послу»⁶⁸.

«протестаци» польско-литовских дипломатов (*Nagiecki M. Protestacja komisarzy Rzeczypospolitej przed posłem cesarskim o zerwaniu rokowań pokojowych z Moskwą w lutym 1616 roku // Verba volant, scripta manent: Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Zbigniewowi Anusikowi w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin. Łódź, 2022. S. 63–89; The house of Vasa and the house of Austria: correspondence from the years 1587 to 1668. Pt 1. The times of Sigismund III, 1587–1632. Vol. 2. Katowice, 2024. № 557. S. 282–285.*

⁶⁶ Оспаривая подобную практику выдачи вещей из царской Казны, послы говорили, что ранее «которая казна была на Казенном дворе, и та в росход никуды не хаживала». По обычному порядку «служильм и всяким людем в жалованье давано ис приказов да ис четвертей». Только при царе Василии Шуйском, «как ваши ж польские и литовские люди дороги заняли, и денежных зборов из городов провозить не дали», начались первые раздачи вещей с Казённого двора. По царскому указу было велено «с Казенного двора давати жемчугом и платьем немногое, да того было в такой великой казне и не знати, что из моря лошка воды убудет» (ОР РНБ, ф. 550, F.IV.101, л. 475–480, 538 об.–540).

⁶⁷ АЗР. Т. 4. № 210. Стб. 495–496.

⁶⁸ РГАДА, ф. 79, оп. 1, д. 30, л. 1005.

О требовании уплаты казны по «Перечневому списку» вспомнили в самый последний день (и даже минуты) переговоров 28 января 1616 г. Седьмой съезд состоялся в «усечённом» составе без главных послов с обеих сторон. Боярин кн. Ю.А. Сицкий и окольничий А.В. Измайлов напомнили о посылке «с цесаревым послом» «списка прежних великих государей наших царей росийских царьской казне, которую казну разграбили в Московском государстве литовские люди». Но обращение московских послов в тех обстоятельствах, практически «на разъезде», выглядело не требованием, а беспомощной просьбой (хотя, если не знать, где поставить ударение, текст можно прочитать и как угрозу): «И вы нам ту царскую казну заплатите». Младшие польско-литовские послы троцкий подкоморий князь Богдан Огинский и киевский подкоморий Самуил Горностай, по свидетельству Статейного списка 1615–1616 гг., «про казну говорили, что дело минувшее, о том мы и говорити не хотим, да на том и розъехались»⁶⁹.

Наряду с текстом Статейного списка, рассказ о требовании возмещения разграбленной казны сохранился в отписке послов, отправленной в Посольский приказ сразу после съезда 28 января 1616 г. В ней дословно переданы речи послов: «И литовские, государь, послы говорили: “тогда де был у вас обраной государь королевич Владислав, и крест де вы ему все целовали, и он деи и вами всеми владел, и во всем Московском государстве был волен, и казну свою кому хотел, тому давал, о том бы деи и вперед не говорить”. И мы, холопи твои, говорили: “то королевичева их правда ли, сам и Москвы не видал, а государство все велел выграбить, будет тому ныне платежу не будет, и мы то и с перемирную запись напишем, что нам вперед о том стояти, и платежю просити”. И литовские послы про то отказывали»⁷⁰.

Следствием неудачи Великого посольства⁷¹ стало продолжение войны, а в 1617–1618 гг. состоялся известный поход королевича Владислава в Московское государство. «Мирное постановление» между Московским государством и Речью Посполитой реализовалось только в завершившем Смуту Деулинском перемирии 1618 г., когда вопрос об утраченной царской казне, разграбленной в 1610–1612 гг., окончательно сняли с текущей дипломатической повестки.

⁶⁹ ОР РНБ, ф. 550, F.IV.101, л. 946 об.–947.

⁷⁰ РГАДА, ф. 79, оп. 1, д. 30, л. 1014 об.–1015.

⁷¹ Провал переговоров о платеже за утраченную царскую казну отдельно был отмечен в ходе разбора деятельности посольства после возвращения в Москву главного посла боярина кн. И.М. Воротынского. Послам указали, что они передали «Перечневый список» в нарушение наказа, так как собранные сведения были неполными, поэтому отосланный документ мог стать помехой при возвращении к требованию уплаты за грабёж казны: «а говорити велено, то ведомо, да того немного... а писма давать не велено» (РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1616, д. 1, л. 9–10).